

ИНФОРМАЦИОННЫЙ РАЗРЫВ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И «КВАНТОВЫЕ ПРИЗРАКИ» СОЦИУМА

В.И. Игнатъев

Новосибирский государственный
технический университет

ighnatiev.v@inbox.ru

В статье анализируются социальные, антропологические, когнитивные и психологические причины и последствия информационного взрыва. Исследуется трансформация механизмов коммуникаций под воздействием информационной перегрузки. Информация определяется как субстанция современного общества. Зафиксирован феномен расщепления социального действия на актуальное и виртуальное. Дается теоретико-социологическое объяснение процесса нарастания противостояния социальной реальности и социальной действительности. Анализируется рост противоречия между частным и публичным как следствие усиления информационного напряжения в зоне возбуждения социальных коммуникаций. Автор обосновывает утверждение, что информационный взрыв разрушает основу существования социального – его системный характер, до предела обостряя конфликт между индивидуальным и коллективным. Установлено, что коммуникативные практики все более доминируют над обменом и использованием информации. Вследствие этого структуры повседневности приобретают характер погружения индивидов в пространство сконструированных коммуникациями альтернатив социальной действительности. По мнению автора, «индивидуализированное общество» из одного из сценариев жанра «форсайта» уже превратилось в реальность и приобрело облик «квантифицированной социальной реальности». В этой связи в статье рассматривается возможность применения парадигмы квантового подхода – в версии «относительности состояний» Х. Эверетта – для объяснения и понимания произошедшего в социуме роста дискретности и его возможных последствий. Обращается внимание на актуальность развития идеи о существовании множества социальных миров. «Кванты информации» интерпретируются как «теневые частицы» социального действия.

Ключевые слова: клетка социальной системы, социальная реальность, социальная действительность, квантификация социальной реальности, параллельные вселенные, теневые частицы, квантовая социология.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.1-25-39

**Социальное
как информационное взаимодействие.
Коммуникация vs информация**

Дальнейшее развитие общесоциологической теории современного общества

как информационного должно быть связано, на мой взгляд, с признанием углубления дихотомии социальной реальности и должно исходить из анализа способа существования двух «планов» социального: действительного и виртуального ми-

ров, а также анализа изменений, происходящих в базовых элементах их строения: в структурах актуального (действительного) и символического (виртуального) социальных действий. В этой связи предлагается *субстанциальный* подход к интерпретации *информационного основания социального* в модуле современности [6]. Исходный пункт анализа – определение субстанции как единства субстрата и функций. Информацию можно представить как единство смыслов (субстрата) и коммуникаций (функций), поскольку смыслы являются и основой, и результатом производства символического мира. Выявлению субстанции любой системы предшествует обнаружение эмпирически существующего и тотально распространённого простейшего элемента системы, обладающего ее качественной спецификой. Таким элементом (клеткой) является система социального действия, ориентированного на других субъектов. Это именно система, поскольку является единством двух взаимополагающих сторон: субъекта действия (актора) и «другого».

Ориентацию на «другого» не следует понимать буквально как ориентацию на конкретных, эмпирически представленных индивидов. Сведение простейшего элемента социальной системы только к субъект-субъектному взаимодействию есть фиксация лишь одной из его возможных форм. На самом деле в любой ситуации субъект ориентируется на схему-образ «другого», данный ему в его собственной картине реальности, где в качестве «другого» может выступать и конкретно существующий субъект, и их множество или же любые другие объекты социального происхождения, выполняющие функцию объекта ориентации. При этом универсальным посредником взаимодействия между индивидами

выступают смыслы как мыслительные конструкции, организованные характеристиками социального.

С этой точки зрения простейшая социальная система состоит из субъектов, объединённых смысловыми (ментальными) конструкциями, включающими в себя характеристики социального. В любом случае актор ориентируется на схему возможного действия, на приемлемую для него картину мира. Обозначим эту картину-схему (маршрут) как «виртуал». Тогда можно утверждать, что актор ориентируется не просто на социальное, но на виртуальное социальное. И уже в этом заложена предпосылка *расщепления* системы действия, амбивалентность ориентации актора: он одновременно ориентируется на социальное (по происхождению и содержанию) и на виртуальное – ментальный заместитель социального (как совокупность схем практик, а не идеальных «картин» реальности) [12]. Тем самым параллельность социального пространства заложена изначально и как действительность, и как возможность.

Следует обратить внимание на самое существенное следствие глобального проникновения информационных потоков в базовые структуры социального, что, собственно, и провоцирует *мутацию социального действия*. Эмпирически всеобщим, «тотальностью» информация становится в период ее неограниченного роста. В основе этого превращения лежит процесс развертывания информации как единства смыслов и коммуникаций. Процесс коммуницирования, несущий потоки информации, является универсальной функцией социального бытия знания, что способствует безграничному возрастанию и безграничному потреблению информации, постоянно превращая ее в субстрат – новые смыслы. В ин-

формационно и коммуникационно насыщенном обществе смыслы производятся и потребляются без ограничения, теряя при этом в ряде случаев (как тенденция) само свойство быть смыслами (т. е. направленными на что-то и для чего-то) и тем самым превращаясь в функции коммуникаций. Происходит общение (коммуницирование) ради общения, обмен «бессмысленными смыслами». В обществе развивается особый модус – самовозрастающая коммуникация. В итоге потребление коммуникации ради коммуницирования без границ становится основным законом информационного социума.

Однако разделение и противопоставление смыслов и коммуникаций условно, в действительности одно есть alter ego другого. Смыслы, как некое благо, передаются и становятся содержанием коммуникаций лишь потому, что в них воплощена информация как операционная схема социальных действий. Поэтому информация остается универсальным способом поддержания социальных связей между людьми. В своем росте информация начинает подчиняться порождаемому ей самой системному качеству – процессу **тотального коммуницирования**. В результате индивиды коммуницируют ради коммуникаций, превращая коммуникации в фетиш, а информацию – в средство, служащее этому фетишу. Внешне мы наблюдаем буйство и торжество растущих потоков информации, однако это лишь видимость, за которой скрывается тотальное господство другого процесса – коммуницирования ради коммуницирования. В свою очередь, информационные технологии и техники генерирования, обработки и передачи информации обслуживают процесс безграничного расширения пространства коммуникаций. Становит-

ся все более очевидным, что «информационная эпоха» на самом деле – эпоха гонки за новыми эффектами растущей и разнообразной коммуникации. Однако, поскольку одно без другого не существует и коммуникация так же предполагает информацию, как информация коммуникацию, постольку связующим звеном (тождеством) этих противоположных сторон социального действия продолжают оставаться смыслы. Именно через коммуникации индивиды делают свою жизнь социально осмысленной, а через смыслы полагают и реализуют потребность в целеполагании и целерациональных действиях, что делает их собственно субъектами, а не только социальными акторами. Поскольку информация представляет собой систему «квантов» информации (данных) как операционных схем действий, постольку индивиды, будучи включенными в эту систему и обладая такими системными качествами, как смысловые структуры (социальное качество первого порядка) и коммуникации (социальное качество второго порядка), приобретают новый класс качеств – сверхкачество: схемы социально генерированных схем действий. Так собственно социальное (как высшее интегративное качество) и полагает себя в действиях индивидов и интегрирует приобретенные ими в индивидуальном опыте смыслы действий и средства коммуницирования.

В контексте предлагаемого подхода социальная (т. е. создаваемая обществом) информация в социологической метатеоретической интерпретации может быть определена как субстанция «социального». Социальная информация как процесс есть особый способ поддержания целостности (системности) особых объектов – взаимодействующих индивидов – через

обмен между ними значениями и смыслами на основе передачи символов, что порождает особую социальную устойчивую связь – коммуникации. Это процесс производства и потребления знаков, смыслов и значений с целью постоянного производства в сознании действующих индивидов целостной картины социальной жизни, в которой им предписаны модели поведения и «маршруты» действий – цели и ценности. Тем самым индивид является социальным существом постольку, поскольку постоянно «потребляет» сведения для конструирования своей картины мира и строит «маршруты» своего движения в социальном пространстве.

Информация через коммуникации выступает основанием социального как коллективного бытия людей, т. е. существования во взаимодействии и только как взаимодействие. Она есть «чувственно-сверхчувственное» бытие людей как взаимодействующих индивидов. При этом информация как система внепредметна, хотя и воплощена в предметах – носителях сведений. Она выступает как социальное качество «второго порядка», в отличие от вещественно-предметных эмпирически данных носителей сведений, которые есть социальные качества «первого порядка». Тем самым информация как социальное качество в отдельных «вещах» (носителях) не материализуется, а *выражает интегративные качества* социума как целого. В основе всех сообщений как «квантов» информации лежит социальное действие, т. е. действие человека, направленное на «другого», ориентированное на «другого» и одновременно сориентированное «другим». Через эту ориентацию осуществляется всеобщая связь человека действующего со всем социумом (опосредованно и символическим

способом, через индивидуальную картину социального мира – виртуал), а «квант информации» предстает как эмпирически данная, конкретная «клетка» социума, взятого со стороны особого системного качества – социального «второго плана» (идеального), социума как системы идеальных качеств.

Вышеизложенное позволяет уточнить природу, структуру и механизм функционирования базовой системы социума – социального действия. Возможность прояснить «устройство» базового элемента строения социальной системы появляется именно в информационную эпоху, поскольку распространение этого артефакта приобрело глобальный характер и социум нового типа проявился «в чистом виде», что, собственно, и является онтологической предпосылкой для занятия новой гносеологической позиции: рассмотрения качественной специфики исторически нового типа социума – информационного [8].

В информационную эпоху становится очевидным, что социальные действия суть по форме вещественно-предметные, по содержанию – идеальные (ментальные) схемы действий. Эти ментальные конструкции «складываются» из операционных и операционализируемых схем действий, передаваемых через коммуникацию. Их производство есть и условие, и результат коллективных действий, что и образует социум и социальность. Поэтому социальные действия и взаимодействия по сути есть информационные взаимодействия [7]. И существование социума есть процесс его воспроизводства и развития как информационной субстанции, способ бытия особого – идеального – мира, порожденного социумом и порождающего социум.

**Разрыв системности:
информационный взрыв
как испытание и искушение**

С середины XX века социум подвергается все более интенсивному и агрессивному воздействию информационно-коммуникационных технологий, что приобрело характер масштабного манипулирования массовым сознанием и наступления эпохи информационных войн. Информационные технологии манипуляции коллективным сознанием опираются на возможность активизировать содержание ментальных структур социального действия – ценностей, смыслов и мотивов, заложенных в процессе приобретения индивидами коллективного опыта. Однако эти технологии, как правило, не затрагивали социетальной основы коллективного поведения. Ситуация изменилась после глобализации медiateхнологий, прежде всего на основе Интернета. Направленные на индивидов информационные потоки переходят из режима диссонанса с ментальными структурами – что требует использования технологий «преодоления сопротивления» (манипулятивных практик) – к *режиму резонанса*, т. е. воздействию на сам социальный генотип, укорененный в культурных архетипах [5]. Моя гипотеза: на определенной стадии нарастания информационных потоков они перешли в режим «взламывания» социальной структуры, что приводит к ее качественной трансформации. Следствием этого является не только перекомбинация структур культурных образцов, но и их мутация и формирование новой социальной реальности – социума постмодерна.

Информация превратилась в социально востребованный продукт и основу информационно-экономической [8]. Способ-

ность к обмену информацией – более фундаментальное свойство человека как социального существа, чем способность мышления или орудийной деятельности. Особенность информации – индивидуальный способ возникновения и общественный характер ее передачи. Поэтому общественная потребительская стоимость информации тем выше, чем большее число людей в ней заинтересовано. Вокруг контроля за сведениями вращаются все желания и страсти человеческой жизни. Это обычно не осознается людьми, которым представляется, что борьба идет за обладание ценным металлом, деньгами, вещами, землей и властью, что делает их более сильными и значимыми. Однако это лишь внешние формы универсального ресурса, который с помощью этих носителей сведений оснащает людей самыми эффективными средствами: схемами и методами для успешного целеполагания и действия.

Три параметра информации жестко диктуют действия и взаимодействия. *Ценность* информации пропорциональна времени, которое человек готов затратить на ее получение. *Значимость* информации зависит от числа людей, заинтересованных в этой информации в данный момент времени и готовых затратить время на ее получение. Значимость информации зависит от момента времени ее получения – от актуальности. Социальная значимость информации и длительность ее использования (*время*) определяют величину знания, содержащегося в информации. Знание – это часть информации, которая востребована большим числом людей и в течение многих поколений. Тем самым знание является неустаревающей информацией. Можно согласиться с Б.Б. Славным, что важна не столько информация сама по себе, сколько

ее своевременность, контекст и трактовка [10, с. 64–65]. Информация подобна живой субстанции и обретает жизненное начало в эмоциональных интерпретациях, тем самым оказывая влияние на реальность.

Сознание производит осознанные символы, которые влияют на физическую реальность. Символы пробуждают наше воображение и закрепляются в ходе столкновения и физической реальностью. Язык, с закрепленными в нем символами, знаками, значениями и смыслами, возникая естественным образом, сам по себе есть часть реальности. Поясним. В компьютерных системах хранения и обработки информации один бит есть элементарный знак – один «data». Этот знак служит для хранения и передачи информации. Обработанные и объединенные по определенной логике программами биты образуют символическую структуру. Но, став частью символической структуры, бит перестает быть знаком и становится символом. Получаемый таким образом элементарный символ подобен элементарной частице вещества и элементарному *кванту действия*. *Единство символа, вещества и действия выступает как особая физическая реальность*. Именно символический обмен связывает физическую и символическую реальности. И этой символической реальностью является любая воображаемая конструкция, построенная на основе определенной логики.

Еще один «удар» информационного потока пришелся на механизм социальной мобильности, приведя к *мутации алгоритма самопрезентации* и «перевернув» мотивационную установку, поменяв *социальное основание на индивидуальное*. Согласно Ж. Бодрийяру, в символическом мире все подлежит обмену: факт и фикция, объект и субъект, жест и мнение – все становится симво-

лом социального статуса [1]. Представители более низких социальных слоев пытаются подняться до уровня вышестоящих, используя для этого отличительные знаки последних. На смену коллективизму приходит индивидуализм. Стремление к самовыражению взрывает социальный слой изнутри. Он распадается на части, дробится до социально неделимого элемента – индивидуума. Так потребительское поведение сдвигается от идентификации к индивидуализации. Этот потребительский индивидуализм приходит на смену потребительскому коллективизму так же, как символ пришел на смену знаку. Теперь покупки делаются не для того чтобы идентифицировать себя с кем-то, но чтобы создать свою идентичность – изобрести самого себя. Таким образом, индивид конструирует сам себя с помощью символов. Поэтому растет потребность в сырье для производства символов в квант информации как сведениях об объектах символизации. Так экспоненциальный рост потребности в индивидуализации провоцирует рост производства сведений – информации. Если использовать стилистику М. Хайдеггера и заданную им онтологию единства знака и сущего [11], можно утверждать, что *в современной реальности идеи становятся актуальными настолько, что нельзя больше выводить их из сущего, но приходится производить из них сущее посредством эмоциональных «заклинаний»*. *Эти «заклинания» – слова, знаки, символы – производят захват внимания и трансформацию сущего*.

Перегруженность каналов коммуникаций символическими артефактами, тотальное «засорение» симулякрами ведет к тому, что современный человек стал объектом глобального и постоянного манипулирования. Основной канал манипулирования – это информационные потоки. Жить в со-

временном обществе означает жить в толпе, но в исторически особой толпе, толпе глобальных информационно-коммуникационных потоков. Растворение в такого рода толпе означает попадание в социальный субстрат экзистенции современного человека. Это своеобразное «заражение» индивидуального от социального. Можно выделить следующие характеристики информационной эпохи, которые влияют на трансформацию личности и приводят к *мутациям структур ее повседневной деятельности*. Изменяется структура общения: традиционные каналы получают дополнительные средства (интернет-сайты, электронные базы данных, социальные сети), возникает «Дополненная Реальность» («Augmented Reality») [2]. Сужаются границы приватной сферы: растет информационная прозрачность частной жизни, усиливается давление общества. Происходит виртуализация деятельности: растет время общения с информационной техникой. Человек теряет навыки учета психологических особенностей собеседника, что ведет к снижению ответственности в общении [10, с. 237].

С развитием информационных технологий меняется сам характер человеческого мышления. Компьютеры выталкивают человечество в пространство внелогического творческого мышления. Способность к творчеству становится главным условием конкурентоспособности личности и коллектива. Вероятно, прав М.А. Делягин, утверждая, что в результате межличностная конкуренция становится все более биологизированной, связанной с врожденными свойствами личности, и менее социальной [3, с. 44]. Снижение значимости логического мышления в пользу внелогического, которое базируется на образах, создает проблемы в самой коммуникации. Посколь-

ку внелогическое не имеет единого языка, который дает логика, оно оперирует образами, а они у каждого человека свои. Единый общественный язык – это основа социализации, его исчезновение ведет к распаду второй сигнальной системы, а значит, к распаду самого социального [Там же, с. 45].

С появлением технологий «high-hume», направленных на изменение человека, основным занятием человечества все более становится изменение не окружающего мира, а собственного сознания и тела [Там же, с. 40]. Человечество приблизилось к такой стадии развития, что ему уже не требуется максимума знаний для познания мира, поскольку его основная цель – приспособить мир под себя и себя – тело и сознание – под свои фантазии. Это ведет к вырождению науки в практику по поддержанию престижного социального уклада, а образования – в инструмент социального контроля.

В итоге перенасыщенность каналов коммуникаций информацией приводит к тому, что характер общественной жизни становится все более вероятностным, многовариантным и хаотичным. Но растет и информация, востребованная людьми, стремящимися обуздать растущую непредсказуемость. *Оба этих потока находятся в резонансе*. И в развитых обществах смысловой акцент существования людей переносится с реальности на возможности, потому что современная жизнь насыщена возможностями. Так новизна становится культом экзистенции.

Таким образом, под вопросом оказалось существование самого «системного качества» социума, а значит, вообще перспективы сохранения социального как особой формы земной жизни. Но картина этого катастрофического кризиса – продукт лишь

одной из возможных теоретических парадигм, абсолютизирующей системные свойства реальности и придающей ей характер самодовлеющей силы, лежащей в устройстве самого бытия. Перед нами типичный случай гипостазирования одной из сторон реальности, придание «Системе» статуса самодостаточной сущности. Проецирование подобной онтологии на любые, особенно дискретные, сложноорганизованные и саморазвивающиеся объекты реальности, к которым прежде всего относится социум, ведет не только к искажению их природы и устройства, но в дальнейшем не позволяет адекватно реагировать на их непредвиденные трансформации.

Индивидуализация социума в свете квантовой теории

Следует заметить, что системная парадигма дает лишь один из вариантов теоретического описания общества. Загнанное в системную модель, оно предстает как конструкция, не вполне адекватная своему аналогу. По крайней мере, лишь одним из возможных допущений является утверждение, что если социум – система, то это особая система. Точнее, некоторое множество, обладающее системными характеристиками. Эти характеристики есть интегрированное производное (интегративное качество) от аддитивных свойств взаимодействующих элементов, из которых состоит это множество. Поэтому выявление простейшего элемента системы – социального действия – еще не дает объяснения, почему эти элементы образуют нечто подобное системному объекту. Ведь социальное действие не «делится», подобно живой клетке, на множество своих аналогов, и они не образуют подобие «органов» живого организма. И почему, образовав системное множе-

ство, эти элементы продолжают нарушать принцип системности, постоянно превращаясь из носителей функции, «органов», в самостоятельных субъектов (не агентов или акторов)? Их аддитивность не только не подавляется, но в рамках нового системного качества проявляет способность к дальнейшим изменениям, к самостоятельному и даже автономному существованию. И включенность во множество есть лишь внешняя среда их активности и внешнее основание коннотаций этой активности. Уникальность, т. е. возможность бытия в индивидуальной форме (в отличие от так называемого «коллективного бытия», констатация которого есть лишь гипостазирование абстракции от множества индивидуальностей, абстракция бытия дискретности), каждому элементу придает не внешняя, а внутренняя среда. Ведь индивиды не органы некоторого социального «организма», а самостоятельно действующие субъекты. И социум **на самом деле** есть атомизированная реальность, в которой каждый элемент выбирает траектории своих действий, реагируя своей качественной спецификой на вызовы внутренней и внешней среды.

Не считая необходимым продолжать полемику (вероятно, вечную) с социальной онтологией Э. Дюркгейма, все же подчеркну свою принципиальную позицию: «реальность» социума вообще, и системная в частности, есть продукт теоретического воображения и, вероятно, неизбежный этап его научного постижения. Но одновременно это есть подмена конкретного абстрактным. Однако наблюдение за разрушением системных характеристик повседневного поведения людей в современном информационно перенасыщенном обществе может привести к парадоксальному

выводу о превращении социальной системы в не-систему. Возможно, это новый вид социальной системы, но тогда необходимо объяснить причину этого превращения. И во что? Ссылки на рост девиаций и увеличение количества вариантов повседневных практик по причине усложнения форм социальной жизни, на резкое возрастание физической и информационно-коммуникационной мобильности, на исчерпание возможностей традиционных методов социального управления, власти и контроля – есть не объяснение, а описание. Необходимо признать, что социум действительно явил себя как «сообщество индивидов» и стал «индивидуализированным обществом», несмотря на, казалось бы, предельное ужесточение форм социального контроля, ставшего глобальным, и слежку за индивидом во всех точках его активности, с лишением права на личное неприкосновенное пространство и поглощение приватного публичным. Современность – это резко активизированное, «возбужденное» пространство сопротивления приватного предельно зарегулированному (системному) публичному. Индивидуальный выбор и маневр каждого имеет все большее значение для поддержания совместной жизни как жизни сообщества и жизни индивидов в сообществе. Фокус теоретического объяснения и понимания новых и непредвиденных социальных феноменов смещается в направлении объяснения источников изменения поведения каждого из множества индивидов и придания им особой значимости. Значимости, которую еще предстоит осмыслить и оценить. А возможно, и признав за индивидами миссию впервые в Истории действительно стать Субъектами. Признав их единственным способом выхода из беспрецедентно катастрофиче-

ского социального и антропологического кризиса. Вырвавшись на просторы свободных (пусть и относительно, и контролируемо) глобальных коммуникаций и имея возможность использовать неисчерпаемые информационные ресурсы, индивиды стремительно становятся «конструкторами» своих и индивидуальных, и социальных повседневных практик, создавая их альтернативные и «параллельные» образцы.

Современность предстает как процесс стремительной «квантификации» *социальной реальности*. Поэтому поиск простейшего элемента строения социума возвращается к исходному – антропологическому – пониманию специфики социальной коллективности (системности): оставаясь существом коллективным, «меру», основание сохранения необходимости и потребности коллективности для каждого индивида закладывает сам индивид своими креативными практиками. В процессе этого творчества создается все больше виртуальных миров и виртуальных сообществ. Казалось бы, эти новые формы должны полностью устраивать их создателей и участников. Но они неустойчивы, конфликтны, часто разочаровывают присоединившихся к ним индивидов. Эти сообщества не проявляют себя как альтернатива другим традиционным сообществам и зачастую не удовлетворяют ни социальные, ни индивидуальные потребности. Очевидно, то, что принято называть «виртуальной реальностью», не является альтернативой «реальной реальности» и не решает для индивидов проблемы поглощения индивидуального социальным и дальнейшего ограничения их креативности как меры свободы и самоопределения. Их «квантовые» характеристики, объективно востребованные обществом современного типа, остаются заблокированными, по-

стоянно сопротивляются этим двум реальностям и ищут альтернативы. «Виртуальная реальность» остается внешней средой их существования. Поэтому они продолжают воспроизводить конфликт индивидуально и социального.

На мой взгляд, причины обостренного роста индивидуальных коннотаций следует искать в том сопредельном пространстве жизненных миров и практик индивидов, которое в парадигме квантовой теории получило название «теневых фотонов» [4]. В дальнейшем я буду иметь в виду ту версию квантовой механики, которая получила развитие, начиная с трудов Хью Эверетта, и была названа «относительность состояний». Как известно, в своей квантовой теории параллельных миров Эверетт предложил *многوميровую* интерпретацию квантовой механики [9]. Согласно этой теории, фотон в физической реальности – это не простейший элемент ее активного проявления (действия), а простейшая частица трансляции (переноса) действия. Так же как единичное социальное действие есть простейший элемент системы социальных действий, трансляторами (переносчиками) социальных действий (не проводниками, в Сорокинском понимании) являются символические объекты, переносящие информацию между взаимодействующими субъектами, что является содержанием социального действия и выражением самой его сущности. В этом смысле символические объекты являются простейшими частицами – «квантами» – трансляции социальных действий. Они детерминированы внутренней средой действующих индивидов как пространством социальных «теневых частиц». Природа этих частиц и их значение для существования реального мира описаны в кванто-

вой теории применительно к физическим объектам. Однако, на мой взгляд, есть возможность и необходимость применения квантового подхода (как возможного общенаучного подхода) для объяснения и понимания некоторых аспектов социальной жизни, особенно тех, для которых отсутствуют теоретические объяснения, получаемые в собственно социальных теориях. Речь идет об открывающейся перспективе междисциплинарного синтеза подходов теоретической физики и теоретической социологии там, где они затрагивают фундаментальные вопросы общих оснований устройства двух видов реальности – физической и социальной. Актуальной становится проверка возможности использования в теоретической социологии (общесоциологической теории) ряда понятий и теоретических схем квантовой теории, таких как видимые частицы, теневые частицы, теневые наблюдатели, самоподобие, мультиверс, параллельные вселенные, виртуальные миры, сопровождаемые частицы, интерференция, взаимодействие реального с возможным, генератор виртуальной реальности, «принцип Тьюринга».

На мой взгляд, квантовая парадигма, или, точнее, подход, позволит раздвинуть горизонт применения средств интерпретации социальных флуктуаций и даст возможность искать их причины, и особенно причины непредвиденных и «умонепостижимых» действий, за пределами социальной реальности, дополняя социальную эпистемологию базовыми идеями квантовой теории. Важнейшим постулатом может стать следующий: ищи объяснение и выстраивай понимание некоторой реальности, соотнося ее с виртуальным двойником – невидимой теневой частицей (сопровожающим квантом) параллельной, вир-

туальной реальности. Однако непосредственный перенос суждений квантовой теории, разработанных для интерпретации физической реальности, для объяснения социальной реальности будет некорректен и требует адаптации квантовых представлений о физическом мире к миру социальному. Прежде всего это касается понятия «кванта» как простейшего элемента, простейшего для определенного множества однородных объектов реальности. В квантовой физике таким элементом признается фотон. А что же в «социальной физике» (используя это имя, данное социологии при рождении)?

Подобием «теневого частиц», выявленных в квантовой теории, в социуме являются смыслы, но не все, а имеющие характер скрытых теневых коннотаций. Теневые частицы – это постоянные спутники реальных частиц как простейших частиц строения физической реальности. Они ненаблюдаемы и обнаруживают себя лишь в том случае, когда реальные частицы сталкиваются с естественными или искусственными препятствиями. В этом случае они вступают во взаимодействия с реальными частицами и влияют на траектории их движения. Множество сопутствующих частиц образуют параллельные миры – миры виртуальной реальности. Отдельные частицы – это простейшие частицы, кванты. У каждого кванта есть свой «дублер» в виртуальном пространстве – теневой квант («сопровождаемая частица»). Объяснить и понять процессы в физической реальности с точки зрения квантовой теории можно лишь с учетом признания существования этого параллельного виртуального пространства, которое проявляет себя лишь в процессах взаимодействий между квантами реального пространства.

Квантовый подход открывает возможность взглянуть на некоторые труднообъяснимые или вообще необъясненные социальными теориями процессы, интерпретация которых в истории социологической мысли всегда опиралась на моноонтическую модель устройства социального мира. Ее исходный постулат: социальные явления и взаимодействия всегда реальны, и эта реальность есть единственно возможная реальность, а идеальные (ментальные) феномены есть отражение этой реальности или же тоже реальные посредники социальных действий и взаимодействий. Такая онтологическая парадигма рассматривает общество как некую единственную и тотальную систему, где все феномены есть элементы, а социальное – только то, что возникает при взаимодействии эмпирически данных (действительно существующих) индивидов: наблюдаемые и доступные для анализа, измерения и эксперимента новые феномены и виды практик. При этом аксиомой признается единый и единственный механизм поддержания социального порядка, что и делает социальную жизнь индивидов жизнью в системе – через ориентацию на «другого» и детерминацию действия индивида коллективными «другими» – референтами. Всякое же отклонение интерпретируется как нарушение равновесия в системе, как девиация и требует возврата к изначально предписанному и ожидаемому состоянию. При этом природа отклонений трактуется как вызываемая исключительно характеристиками и «происками» (индивидуальными или социальными) девианта.

В соответствии с квантовой парадигмой поиск причин «отклонений» должен идти в направлении обнаружения виртуальных объектов, которые обнаруживают себя лишь при фиксации отклонения ре-

альных «социальных частиц», что вызывается скрытой, внутренней средой реальных частиц. Этой средой, на мой взгляд, являются *скрытые смыслы действий – набор вариантов интерпретаций мотивов, причин, целей и средств достижения целей*. Они скрыты для «других», хотя не всегда очевидны и для действующего индивида (как индивидуальное, неотрелексированное бессознательное). Все эти интерпретации носят закодированный, поэтому и скрытый, неочевидный и теневой характер. Эти интерпретации и есть *собственно виртуальные объекты* как возникающие только при взаимодействиях и существующие до тех пор, пока они не завершаются. Именно этот смысл содержался в определении виртуальных объектов при проведении физических исследований для объяснения природы неустойчивых и ненаблюдаемых частиц и вообще для доказательства их существования. Полагаю, что в социуме они представляют собой *«скрытые смыслы» сообщений как единства «закрытых» сведений (закодированной информации) и средств их передачи*. «Теневые частицы» социальной реальности – это свободно, скрытно и независимо от системы перемещающиеся по каналам коммуникаций символы и смыслы как кванты информации. Не подконтрольные системе, они попадают в распоряжение индивидов. Эти кванты информации обладают потенциалом для актуализации, который реализуется при столкновении реальных частиц (коммуникативных действий) с препятствиями, возникающими в процессе достижения цели. Этот процесс получил название *интерференции*.

В чем состоит особенность явления интерференции в социальном поведении индивидов? Интерференция – воздействие, оказываемое частицей одной «вселенной»

на своего «партнера» из другой «вселенной». Реальность самоподобна на нескольких уровнях и содержит информацию не только о себе, но и о средствах ее понимания. Это возможно постольку, поскольку в самой реальности существуют абстрактные символы, и именно эти символы используют индивиды для воспроизводства и организации социальной жизни и ориентации в социальном пространстве. В этих символах – артефактах, хранящих знание (в текстах, книгах, в памяти компьютеров, в человеческом мозге), существуют образы реальности в целом, образы не только внешнего вида объектов, но и структуры их реальности. В той степени, в какой эти символы, образы и теории истинны – сходны в определенном отношении с конкретными или абстрактными вещами, к которым они относятся, – их существование придает реальности в сознании индивидов вид самоподобия.

Это самоподобие есть знание. Вся социальная жизнь индивидов состоит в физическом и символическом (ментальном) воспроизведении знания. И ресурсом, и средством этого воспроизведения выступает активированная и находящаяся в постоянном движении особая форма знания – информация. В соответствии с квантовой теорией знание можно определить как сложность, которая простирается через множество вселенных, множество социальных миров, бесконечно воспроизводимых индивидами. Это позволяет индивидам, действующим «порознь, но вместе», реализовывать в итоге такой совокупный потенциал, который недоступен абстрактному «совокупному социальному субъекту» – социуму. Ведь умножение сложностей и альтернативных миров предполагает свободу, свободную волю индивида, через которую

он только и может выражать в своих действиях то, кем он является как личность.

В заключение подчеркну, что индивидуализация не разрушает социальные связи, она делает их органичными, преобразуя абсолютную системность и субординацию в координацию и согласуемую дискретность, используя безграничные ресурсы и возможности открывающегося индивидуам мира действительной, а не вымышленной или предписанной «Системой» виртуальной реальности. Это мир безграничных «теневых» коннотаций, закодированных на языке «теневых смыслов» и заключенных в квантах информации. Полагаю, что некоторые идеи квантового подхода могут открыть перспективу для нового этапа развития постнеклассической теории общества, вероятным вариантом которой в той или иной версии может стать «квантовая социология». Глубина и неисчерпаемость социальной реальности не в меньшей степени, чем реальность физическая, располагает исследователя к совершению крутых поворотов...

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. – М.: Постум, 2015. – 240 с.
2. Глазкова С.А. «Дополненная реальность» в мобильном коммуникативном пространстве // Проблемы теоретической социологии: межвузовский сборник / отв. ред. А.О. Бороноев. – СПб.: Скифия-принт, 2012. – Вып. 9. – С. 113–122.
3. Делягин М. Чего мы не знаем // Свободная мысль. – 2015. – № 1. – С. 37–50.
4. Дойч Д. Структура реальности: наука параллельных вселенных: пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015. – 430 с.
5. Игнатьев В.И. Информационный резонанс в социальной системе // Идеи и идеалы. – 2012. – № 3 (13), т. 1. – С. 92–103.
6. Игнатьев В.И. Информация как субстанция: информационное основание трансформации социального действия // Проблемы теоретической социологии: межвузовский сборник / отв. ред. А.О. Бороноев. – СПб.: Издательский центр экономического факультета СПбГУ, 2014. – Вып. 10. – С. 82–93.
7. Игнатьев В.И., Владимиров Т.В., Степанова А.Н. Социальная система как информационное взаимодействие: коллективная монография. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. – 308 с.
8. Кастильс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000. – 608 с.
9. Менский М.Б. Сознание и квантовая механика: жизнь в параллельных мирах. – Фрязино: Век 2, 2011. – 320 с.
10. Славин Б.Б. Эпоха коллективного разума: о роли информации в обществе и о коммуникационной природе человека. – М.: Либроком, 2014. – 320 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Академический проект, 2013. – 448 с.
12. Ignatyev V. Constitution of virtual actions in the structure of social reality // British Journal of Science, Education and Culture. – 2014. – N 1 (5), vol. 2. – P. 572–580.

THE INFORMATION BREAK OF SOCIAL SYSTEM AND “QUANTUM PHANTOMS” OF SOCIETY

V.I. Ignatov

Novosibirsk State Technical University,

ighnatov.v@inbox.ru

The article analyses social, anthropological, cognitive and psychological causes and consequences of information explosion. The transformation of communications mechanisms under the influence of information overload is explored. Information as the essence of modern society is defined. Splitting phenomenon of social action into the actual and virtual is fixed. A theoretical sociological explanation of growing confrontation between social reality and social actuality is provided. The increase of contradictions between the private and the public as a consequence of the widening digital tension in a zone of social communications is examined. The author substantiates the claim that information explosion puts the destruction of the foundations of the existence of social – his systemic, up to a limit of exacerbating the conflict between the individual and the collective. It has been found that communication practices increasingly dominate the exchange and the use of information. Consequently, the structures of everyday life acquire the character of individuals' absorption into the space of social alternatives constructed by communications. The author thinks that «individualized society» according to the one of the scenarios in the “Forsyte” genre has already become a reality and it has acquired the appearance of «quantified social reality». In this regard, the article describes the possibility of applying quantum paradigm approach in the version of “relativity states» by H. Everett in order to explain and understand what happened in the society with the growth of discreteness and its consequences. The author draws attention to development of the idea of the existence of many social worlds. «Quanta of information» are interpreted as «shadow particles» of social actions.

Keywords: information explosion, communication, substance, cage social systems, social reality, social actuality, individualization, quantification of social reality, parallel universes, interference, shadow particles, quantum sociology.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.1-25-39

References

1. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris, Galilée, 1981. 108 p. (In English: Baudrillard J. *Simulacra and simulation*. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1994. 164 p.) (Russ. ed.: Bodrilyar Zh. *Simulyakry i simulyatsii*. Translated from French A. Kachalov. Moscow, Postum Publ., 2015. 240 p.).
2. Glazkova S.A. “Dopolnennaya real'nost'” v mobil'nom kommunikativnom prostranstve [“Augmented reality” in the mobile communication space]. *Problemy teoreticheskoi sotsiologii*. Ed. A.O. Boronov. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2012, iss. 9, pp. 113–122.
3. Delyagin M. Chego my ne znaem [The unknown Things]. *Svobodnaya mysl' – Free Thought*, 2015, no. 1, pp. 37–50.
4. Deutsch D. *The fabric of reality: the science of parallel universes and its implications*. New York, Allen Lane, 1997. 390 p. (Russ. ed.: Doich D. *Struktura real'nosti: nauka parallel'nykh vselennykh*. Translated from English. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2015. 430 p.).
5. Ignatyev V.I. Informatsionnyi rezonans v sotsial'noi sisteme [Information resonance in social system]. *Idei i ideal'y – Ideas and ideals*, 2012, no. 3 (13), vol. 1, pp. 92–103.
6. Ignatyev V.I. Informatsiya kak substantsiya: informatsionnoe osnovanie transformatsii

sii sotsial'nogo deistviya [Information as a substance: information founding for transforming the social action]. *Problems of theoretical sociology*. Ed. A.O. Boronoev. St. Petersburg, Izdatel'skii tsentr ekonomicheskogo fakul'teta SPbSU Publ., 2014, iss. 10, pp. 82–93.

7. Ignatyev V.I., Vladimirova T.V., Stepanova A.N. *Sotsial'naya sistema kak informatsionnoe vzaimodeistvie* [The social system as an information interaction]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2011. 308 p.

8. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obschestvo i kul'tura* [Information age: economy, society and culture]. Moscow, 2000. 608 p. (In Russian)

9. Mensky M.B. *Consciousness and quantum mechanics: a life in the parallel worlds*. Singapore, World Scientific. 2010 (Russ. ed.: Menskii M.B. *Soznanie*

i kvantovaya mekhanika: zhizn' v parallel'nykh mirakh. Fryazino, Vek 2 Publ., 2011. 320 p.).

10. Slavin B.B. *Epokha kollektivnogo razuma: o roli informatsii v obschestve i o kommunikatsionnoi prirode cheloveka* [The era of collective intelligence: on the role of information in society and communication of human nature]. Moscow, Librokom Publ., 2014. 320 p.

11. Heidegger M. *Sein und Zeit* [Being and time]. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1993 (Russ. ed.: Khaidegger M. *Bytie i vremya*. Translated from German. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2013. 448 p.).

12. Ignatyev V. Constitution of virtual actions in the structure of social reality [Constitution of virtual actions in the structure of social reality]. *British Journal of Science, Education and Culture*, 2014, no. 1 (5), vol. 2, pp. 572–580.